

Рано утром сына вызвали слуги учителя Школы императорского клана, и мать Чжао сразу же почувствовала неладное. Подобное уже случалось: например, когда родители приводили плачущих детей жаловаться на Чжао Юшэна, и обычно это оказывалось правдой.

Мать Чжао была опытной. Она велела У Чу сопровождать Юшэна в дом учителя Школы. Вскоре У Чу вернулся и доложил, что молодого господина заперли в карцере, и учитель наказал его шестидневным заключением.

На этот раз всё выглядело серьёзно. Мать Чжао была и зла, и обеспокоена. Узнав от У Чу подробности, она услышала, что братья Цинь снова были замешаны, и что они зимой столкнули маленького Юя в пруд. Мать Чжао считала этих братьев настоящими хулиганами, но её сыну не следовало их избивать.

Теперь, когда приказ о заключении был отдан, мать Чжао ничего не могла поделать. Она велела А Сян собрать одежду Чжао Юшэна и передать её У Чу, чтобы тот отнёс в карцер.

— Пусть он хорошо подумает над своим поведением в карцере, чтобы его отец не подумал, что я его избаловала.

Мать Чжао сказала это У Синю, чувствуя разочарование. Она была рада, что сын стал более ответственным, но, похоже, ничего не изменилось.

И он явно стал ещё смелее, раз осмелился избить людей до потери сознания и ничего не сказал об этом дома.

Чем старше он становился, тем больше беспокойства он доставлял. В гневе мать Чжао тут же написала письмо отцу Чжао.

Она не знала, как отреагирует отец Чжао, получив это срочное письмо в уезде Нин, узнав, что его старший сын публично избил двух простолюдинов.

Когда потомок императорского рода совершает проступок, в зависимости от его возраста и тяжести преступления, его могут отправить либо в исправительное учреждение Управления по делам императорского клана, либо в карцер Школы для размышлений.

Карцер находился в Школе и представлял собой небольшой двор с одной комнатой, окружённый высокими стенами и запертой дверью. Попадая туда, было невозможно даже перелезть через стену, и оставалось только читать книги мудрецов, сожалея о своих поступках и потере свободы.

Обычно в таких местах иногда запирали потомков императорского рода, и, как говорили, Чжао Юшэн уже бывал здесь раньше, так что он был здесь как дома.

Комната была простой: кровать, стол и три стены, уставленные книгами. Так называемое «самоосуждение» означало размышление о своих ошибках. Учитель Школы верил, что лучшее воспитание — это чтение священных текстов.

Чжао Юшэн лежал на кровати, положив одну руку под голову, а ногу согнув. Поза была удобной. Солнечный свет, проникающий через окно, падал на его лицо, подчёркивая его черты. По его слегка сжатым губам можно было понять, что он чувствовал лёгкую грусть.

В уединённом карцере он был один и должен был провести здесь шесть дней.

Рана на левой руке, благодаря лечению врача, уже не болела. Ежедневно нужно было менять повязку, и У Чу приносил ему еду и одновременно менял повязку. Карцер не предоставлял еду, так что У Чу каждый день приносил её. Конечно, он тайком проносил несколько интересных книг, чтобы Чжао Юшэн мог скоротать время.

Надзирателем карцера был тоже ученик Школы, Чжао Мэншоу, образцовый студент, который обычно руководил младшими учениками. У Чу каждый раз, чтобы войти в карцер, должен был получить разрешение Чжао Мэншоу, у которого был ключ от ворот.

На третий день пребывания Чжао Юшэна в карцере У Чу принёс еду и увидел, что Чжао Чжуанде и Чжао Дуаньхэ стоят у ворот карцера. Эти старые друзья Чжао Юшэна умоляли надзирателя позволить им войти и навестить его.

— Нет, учитель приказал не пускать посторонних в карцер.

Чжао Мэншоу был непреклонен и беспристрастен.

— Брат Мэншоу, он уже три дня там, мы даже не знаем, жив ли он. Позволь нам просто заглянуть.

Чжуанде сложил ладони, умоляя.

Чжао Мэншоу махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

— Что значит «жив»? Я вижу, он там спокойно поливает цветы в саду. И, кстати, кто-то тайком приносит ему книги. Если учитель узнает, он обязательно накажет.

Поскольку Чжао Чжуанде тоже участвовал в тайной передаче книг Чжао Юшэну, он сдержался и больше не настаивал.

В карцере было мало занятий, и дни были скучными. Однако Чжао Юшэн уже не был тем импульсивным подростком. Тихая обстановка и, казалось, бесконечное время позволили ему

хорошо подумать о будущем.

В прошлой жизни Чжао Юшэн тоже был наказан карцером за свои проступки. Тогда он провёл там три дня за то, что избил Чжао Цзидао. Это произошло после того, как Чжао Цзидао поставил ловушку для лошадей, из-за которой Чжуанде сломал ногу, и Чжао Юшэн решил отомстить за друга.

В этой жизни Чжуанде не пострадал, а Чжао Цзидао не был избит, но, похоже, судьба снова связала Чжао Юшэна с карцером.

[Система]: Карцер: Как это опять ты?

[Система]: Чжуанде: Да, А Шэн очень предан друзьям, но всё же это другое. Если бы кто-то осмелился сломать ногу маленькому Юю, А Шэн бы разорвал его на части.

Ночью в карцере горел лишь слабый масляный светильник, его свет был настолько тусклым, что его можно было игнорировать. Чжао Юшэн лежал в тёмной комнате, вспоминая события прошлой жизни. Он знал, что многое изменил, и эти изменения приведут к новым событиям. Его отношения с Чэнь Юем тоже не будут такими сложными, как в прошлой жизни.

В прошлой жизни, после того как он избил Чжао Цзидао и был наказан карцером, отец Чжао Шимянь забрал его в уезд Нин для воспитания. Поэтому, когда Чэнь Юя столкнули в Пруд Превращения в карпа, Чжао Юшэн уже не был в Цюаньчжоу.

Тогда Чэнь Юя спас из пруда знакомый Чэнь Дуаньли, который почти сразу прибыл на место. Он поспешно укутал сына, но кто-то всё же увидел его странный облик. Хотя этот человек был пьяницей и не пользовался доверием, слухи о «демонической природе» Чэнь Юя быстро распространились, и ему пришлось покинуть Цюаньчжоу и вернуться в Наньси.

Наньси, родовые земли семьи Чэнь, была деревней в уезде Нин, и Чжао Юшэн часто навещал Чэнь Юя там. Жизнь Чэнь Юя в Наньси была одинокой, и он был очень уязвим. Именно в Наньси он начал испытывать чувства к Чжао Юшэну.

В этой жизни Чэнь Юю не придётся возвращаться в Наньси, чтобы избежать сплетен, но Чжао Юшэн, возможно, будет вынужден отправиться в уезд Нин из-за драки.

Ты когда-нибудь думал о таком исходе?

Чжао Юшэн не стал задавать себе этот вопрос. Прежде чем избить братьев Цинь, он уже подумал о последствиях. Это был его собственный выбор. Если бы Чжао Юшэн внимательно рассмотрел свои ожидания от этой новой жизни, то понял бы, что хотел изменить несчастливую судьбу своих близких, особенно защитить Чэнь Юя.

Он станет его лучшим другом, но Чэнь Юю не нужно будет влюбляться в него. Если этого можно избежать, то это будет лучше. Именно эта неуместная страсть заставила Чэнь Юя стать одержимым им, даже ради эссенции морского нефрита он был готов на всё...

Фитиль светильника погас, масло закончилось, и Чжао Юшэн погрузился в полную темноту, не в силах уснуть.

Дни и ночи в карцере оказались гораздо длиннее, чем Чжао Юшэн представлял. В одиночестве его сопровождали лишь тишина и мучительные воспоминания, нахлынувшие ночью.

Неудивительно, что все боятся карцера — долгое заключение может свести с ума.

На пятый день Чжао Юшэн, по мнению надзирателя Чжао Мэншоу, выглядел немного похудевшим и с тёмными кругами под глазами (он действительно плохо спал), но его настроение было стабильным. Он не ругался, не пытался перелезть через стену или выломать дверь, а просто спокойно проводил время.

В тот день в полдень Чжао Мэншоу открыл ворота, и Чжао Чжуанде с У Чу вбежали, сообщив Чжао Юшэну, что он свободен. Чжао Юшэн читал серьёзную книгу. Он закрыл её и спросил:

— Почему учитель Школы на этот раз передумал?

Чжао Чжуанде торопил его побыстрее уйти, иначе он совсем сойдёт с ума. У Чу, будучи честным, не смог удержаться и сказал:

— Молодой господин, беда! Отец вернулся из уезда Нин!

Получив письмо от матери Чжао, отец не смог сдержаться и уже выехал из уезда Нин в Цюаньчжоу. Чжао Юшэн был немного удивлён решительностью отца, но, подумав, понял, что это совпало с зимним праздником, и отец был в отпуске.

Чжао Юшэн спокойно ответил:

— А.

Чжао Чжуанде приказал У Чу:

— Быстро собери вещи.

Он нервничал и тянул Чжао Юшэна за руку:

— А Шэн, ты что, совсем с ума сошёл? Быстрее беги ко мне, чтобы укрыться!

— Не стоит.

Чжао Юшэн высвободился из захвата Чжуанде, поправил одежду и спокойно вышел из карцера.

С тех пор как Чэнь Юй вернулся с горы Цзюжи, восточный двор семьи Чэнь стал тихим. Чэнь Дуаньли приказал слугам не заходить туда без его разрешения, так как Чэнь Юй болел и нуждался в покое.

Двери и окна комнаты Чэнь Юя были закрыты, а заморский лекарь, который лечил его, приходил несколько раз. Слуги семьи Чэнь знали, что их молодой господин снова заболел, но не понимали, что именно с ним.

<http://bllate.org/book/15279/1348808>